

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

В. С. ВАЙНЕРМАН

ОМСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ ДОСТОЕВСКОГО

Поиском материалов об окружении Достоевского в Омске занимались ранее краевед А. Ф. Палашенков, журналист А. Лейфер.¹ Предлагаемая статья основана на новых материалах, в последние годы найденных автором.

Чертеж крепостного острога

Как выглядел омский каторжный острог, в котором Достоевский провел четыре года? До сих пор существовало лишь одно его изображение, не дающее представления об условиях каторги.

В журнале «Огонек», посвященном 125-й годовщине со дня рождения Ф. М. Достоевского (1946), был помещен ранее неизвестный план омского острога, в котором с 1850 по 1854 г. отбывал каторгу великий русский писатель.²

По просьбе художника М. С. Знаменского, жившего в Тобольске, его сестра после долгих поисков нашла в Омске человека, сумевшего выполнить этот рисунок. Вот что она пишет об этом: «Добрый брат Миша! Посылаю тебе вид с острога. Извини, какой есть, кого только я не просила нарисовать, все отказывали, но наконец нашелся какой-то, и сама не знаю кто, да и снято-то плохо, ну да ты переделаешь по-своему...».³ Очевидно, автор этого изображения острога был таким, что сестра Знаменского не сочла возможным уточнить его имя. Не из арестантов ли острога он

¹ См.: Палашенков А. Ф. По местам Ф. М. Достоевского в Омске. Омск, 1965; Евсеев Е., Лейфер А. Сибирские встречи. — Сибирские огни, 1971, № 11, с. 162—177; Лейфер А. 1) Омские годы Ф. Достоевского. — В кн.: Судьбы, связанные с Омском. Новосибирск, 1976, с. 35—64; 2) «Всегда со мной». — Сибирские огни, 1975, № 7, с. 160—171; 3) Годы, прошедшие не бесплодно. — В кн.: Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома; Письма из Сибири; Воспоминания современников; «Сибирская тетрадь»; Документы. Иркутск, 1981, с. 429—459; 4) Истинное богатство. — Сибирские огни, 1982, № 1, с. 155—167.

² См.: Огонек, 1946, № 46—47, с. 27—28.

³ Там же, с. 28.

был? Среди острожников, находившихся в каторге вместе с Достоевским, есть человек, которого можно «заподозрить» в подобной работе. Это арестант из дворян Аристов, помещенный в острог за ложные обвинения, возводимые им на неповинных людей. Стараясь приобрести расположение плац-майора, он рекомендовал себя художником-портретистом, указывают очевидцы тех событий.⁴ Аристов «упражнялся у нас отчасти и в фальшивых паспортах», писал в «Записках из Мертвого дома» Достоевский, характеризуя другую сторону «деятельности» арестанта по кличке «Крапо». Впрочем, высот профессионализма Аристов так и не достиг. «Почти год позировал „Васька“ (так в каторге звали плац-майора Василия Кривцова. — В. В.) перед „Крапо“, из-под кисти которого вместо фигуры и лица Кривцова выходило какое-то бесформенное чудовище», — приводит воспоминания современников журнал «Исторический вестник».⁵

Отсутствие профессионализма заметно при первом же взгляде на изображающий острог рисунок — нарушены пропорции в изображении казарм с разным количеством окон и кухни, палей, которыми была обнесена территория острога. Здания как будто положены набок — создается впечатление, что рисовал ребенок. Но дети не могли входить на территорию острога. Поэтому, учитывая, что над рисунком работал взрослый, нельзя не отметить подчеркнутую аккуратность и внешнюю чистоту острожных казарм. Деревья около острожных ворот могут даже вызвать удивление. Словно нарочно приукрашивает художник тяготы острожного быта. Смотришь на приятные для глаза домики, а память невольно приводит строки, написанные Достоевским по выходе из каторги: «Вообрази себе старое, ветхое, деревянное здание, которое давно уже положено сломать и которое уже не может служить. Летом духота нестерпимая, зимою холод невыносимый. Все полы прогнили. Пол грязен на вершок, можно скользить и падать. Маленькие окна заиндевели, так что в целый день почти нельзя читать. На стеклах на вершок льду. С потолков капель — всё сквозное. Нас как сельдей в бочонке» (П., I, 136). На рисунке же — надежные крыши с печными трубами, высокие крылечки, широкие дверные проемы. Долгие годы этот рисунок был единственным известным изображением омского острога.

В 1981 г. автору настоящих строк удалось обнаружить «Чертеж крепостного острога», выполненный «по омской крепости марта 20 дня 1847 года».⁶ Выполнил чертеж «кондуктор 2-го класса Ершов», о чем в правом нижнем углу чертежа есть соответствующая надпись.

Чертеж представляет собой неизвестное ранее изображение омского острога. Сопоставление с рисунком самодеятельного автора обнаруживает, что последний точно указал количество и

⁴ См.: Ист. вестн., 1908, № 4, с. 197.

⁵ Там же.

⁶ ЦГВИА, ф. 349, оп. 27, д. 1381.

расположение окон в казармах — все окна расположены на их внутренней стороне и насчитываются на обоих планах в количестве соответственно девяти в казарме под № 119 (слева) и двенадцати в казарме под № 120 (справа). Соответствуют на обоих планах расположение входных дверей в помещении и местоположение острожных казарм, кухни и амбара на территории каторги. Чертеж более точен в обрисовке палей, отгораживающих острог от внешнего мира, — на нем более длинная часть трапециевидной линии, завершающей ограду в верхней части, находится не с правой стороны, а с левой. На чертеже, выполненном в отличие от рисунка в масштабе, четко видно пространство между казармами острога и палями. «Кругом, между строениями и забором, — писал Достоевский в «Записках из Мертвого дома», — остается еще довольно большое пространство. Здесь, по задачам строений, иные из заключенных, понелюдимее и по мрачнее характером, любят ходить в нерабочее время, закрытые от всех глаз, и думать свою думушку. Встречаясь с ними во время этих прогулок, я любил всматриваться в их угрюмые, клейменные лица и угадывать, о чем они думают» (4, 9). Омский каторжный острог представлял из себя «большой двор, шагов в двести длины и шагов в полтора ширины, весь обнесенный кругом, в виде неправильного шестиугольника, высоким тыном, то есть забором из высоких столбов (паль)» (4, 9).

В какой из казарм жил в эти годы Достоевский? Которая из них была та «длинная, низкая и душная комната, тускло освещенная сальными свечами, с тяжелым и удушающим запахом» (4, 10)? В какой из них находились нары в «три доски», составившие для Достоевского в четыре года «всё мое место»?

Чертеж позволяет заглянуть внутрь помещений каторги. Сопоставляя его с «Записками из Мертвого дома», предположительно можно определить одну из казарм, которая и была «местом жительства» великого писателя.

В главе «Представление» Горянчиков, от лица которого ведется повествование, рассказывает: «Военная казарма наша, в которой устроился театр, была шагов в пятнадцать длиною. С двора вступали на крыльцо, с крыльца в сени, а из сеней в казарму. Эта длинная казарма <...> была особого устройства: нары тянулись в ней по стене, так что середина комнаты оставалась свободной» (4, 120). Несколько выше он уточняет: «Эта казарма (военная. — В. В.) была устроена не так, как другие: в ней нары тянулись около стен, а не посередине комнаты, как во всех прочих казармах, так что это была единственная в остроге комната, не загроможденная посередине. Вероятно, она и устроена была таким образом, чтоб в ней, в необходимых случаях, можно было собирать арестантов» (4, 108—109). На чертеже острога только в здании под № 119 в его центральной комнате нары тянутся около стен. Подобное расположение имеет только эта казарма. Судя по характеру ее описания Горянчиковым, рассказывающим о ней каждый раз как о новом месте, делаем вывод, что он жил в дру-

гом помещении. Вот как, например, Горянчиков рассказывает о своем посещении представления в остроге: «Часу в седьмом пришел за мной Петров, и мы вместе отправились на представление. Из нашей казармы отправились почти все...» (4, 120; курсив наш. — В. В.). Думается, что если бы рассказчик жил в одной из комнат, соседствующих с местом представления, то о своем посещении «зрительного зала» он сказал бы другими словами. Значит, «место жительства» автора «Записок из Мертвого дома» в его омские годы — казарма под № 120.

Каждое помещение острога делилось на несколько «казарм». В первой главе «Записок» есть такая фраза: «Молча обошел он все наши шесть казарм» (4, 10). Чертеж острога позволяет установить, что два жилых здания делились на семь комнат, называемых Достоевским «казармами». Вероятно, писатель сознательно уменьшил в «Записках» число острожных казарм, увеличив при этом число арестантов (в омском остроге, согласно архивным документам, было от 150 до 170 человек, но не 250, как говорится в «Записках»).⁷ Рассказывая о Мертвом доме, писатель сознательно стремился усилить впечатление ада, созданного царизмом для людей, поставленных обществом вне закона.

В здании под № 119 три казармы. Достоевский жил, как мы предполагаем, в здании под № 120. Оно было разделено, как видно на чертеже, капитальной стеной на две равные половины, каждая из которых, в свою очередь, делилась на две казармы. По тексту «Записок» нельзя определить точно, в какой из них жил Достоевский, но можно предположить, что писатель жил в части здания под № 120, расположенной около острожных ворот. В главе «Праздник Рождества Христова» читаем: «Сквозь темноту из маленьких, залепленных снегом и льдом окошек нашей казармы видно было, что в обеих кухнях, во всех шести печах, пылает яркий огонь, разложенный еще до свету» (4, 107). Рассмотреть огонь, пылающий во всех печах, сквозь залепленные снегом и льдом маленькие окошки (не окна, а именно окошки) можно было под наиболее прямым углом, т. е. из части казармы под № 120, находящейся ближе к выходу из острога. Значит, именно здесь жил Достоевский в свои острожные годы? Подтверждает это предположение еще одна фраза из «Записок»: «Петров жил в особом отделении и в самой отдаленной от меня казарме» (4, 82). Если бы автор этих строк жил в одной из центральных казарм, то определить «самую отдаленную» было бы для него затруднительно. Значит, он жил в одной из крайних казарм, а именно, как мы установили, в находящейся ближе к острожным воротам.

⁷ См.: Ведомости о прибыли, убыли и наличном числе арестантов в омской крепостной работе состоявших на февраля 1 дня 1850 года и августа 1 дня 1853 года (ЦГВИА, ф. 312, оп. 2, д. 1280, л. 2—2 об.; д. 1814, л. 16).

«Постоянное душевное беспокойство, нервическое раздражение, спертый воздух казармы могли бы разрушить меня совершенно» (4, 80). Эти слова, вложенные Достоевским в уста Горячкова, автобиографичны. Обстоятельства, упомянутые выше, наложили отпечаток на здоровье Достоевского. В каторге у него развилась падухая (эпилепсия) — болезнь, мучившая писателя всю жизнь. В литературе обстоятельства, связанные с первым припадком эпилепсии у Достоевского, трактуются по-разному. Первые дни, проведенные в остроге, — условия жизни, внешний вид арестантов, их отношение к нему, и, в особенности, отношение плац-майора Кривцова — потрясли Достоевского. Еще на пути в Омск ему о Кривцове рассказывали факты, говорящие о жестокости этого человека. После выхода из каторги Достоевский писал брату: «Началось с того, что он нас обоих, меня и Дурова, обругал дураками за наше дело, и обещался при первом проступке наказывать телесно» (П., I, с. 135).

Врач А. Е. Ризенкампф — юношеский знакомый Достоевского, проезжавший через Омск в 1851 г., а затем служивший здесь с 1858 г., в письме к А. М. Достоевскому так описывает отношение к писателю Кривцова: «Последний дошел до того, что воспользовался первым случаем поправления его здоровья и выпи-скою из госпиталя, чтобы назначить его к исполнению самых унижительных работ вместе с другими арестантами, а вследствие некоторых возражений даже подверг его телесному наказанию». Далее Ризенкампф утверждает, что «вследствие экзекуции» Достоевский «в первый раз поражен был припадком эпилепсии».⁸ Достоверность воспоминаний Ризенкампфа представляется нам сомнительной. П. К. Мартыанов опровергает утверждение о телесном наказании Достоевского, приводя свидетельства очевидцев, а в первой «Биографии» писателя, составленной О. Миллером со слов А. Г. Достоевской, несомненно гораздо более осведомленной в действительно происходивших событиях, высказано предположение, стоящее, на мой взгляд, значительно ближе к истине: «Для такого человека, как он (Ф. М. Достоевский. — В. В.), чтобы занемочь подобной болезнью, совершенно достаточно было всего заурядного, испытанного им <...> не было никакой надобности самому быть наказанным, а совершенно достаточно было видеть чужие, вздутые и изборожденные кровяными подтеками спины».⁹

В годы пребывания на каторге Достоевский часто попадал в Омский военный госпиталь, где в избытке насмотрелся на истерзанные спины наказанных. Госпиталь «стоял особняком, в полуверсте от крепости. Это было длинное одноэтажное здание,

⁸ Лит. наследство, 1973, т. 86, с. 548—549.

⁹ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883, с. 139—140.

окрашенное желтой краской... На огромном дворе госпиталя помещались службы, дома для медицинского начальства и прочие пригодные постройки. В главном же корпусе располагались одни только палаты. Палат было много, но арестантских всего только две, всегда очень наполненных, по особенно летом, так что приходилось часто сдвигать кровати» (4, 130). А. И. Сулоцкий писал М. А. Фонвизину 11 февраля 1850 г.: «... Достоевский всё в лазарете; главный лекарь Троицкий, по просьбе Ивана Викентьевича (Ждан-Пушкина. — В. В.), толковал с ним, предлагал ему лучшую пищу, иногда и вино; но он отказывается от всего этого, а просит только о том, чтобы принимать почаще в лазарет и помещать в сухой комнате».¹⁰ Просьба эта была исполнена. Уже 15 февраля Сулоцкий сообщал Фонвизиним: «Он (С. Ф. Дуров. — В. В.) и г. Достоевский» очень благодарны, замечая, что главный лекарь принимает в них участие. Мы чрез Троицкого, наконец, добились позволения пересылать им по крайней мере книги св. Писания и духовные журналы».¹¹ О старшем докторе военного госпиталя мы узнаем и из «Записок из Мертвого дома». Причем благодарное отношение к нему высказано здесь прямее, чем, предположим, о коменданте Омской крепости. Служебное положение позволяло Троицкому относиться ко всем арестантам гуманно и соответственно давало возможность более подробно и открыто говорить об оказываемой им помощи. «Повторяю, — пишет Достоевский, — арестанты не нахвалились своими лекарями, считали их за отцов, уважали их. <...> с лекарей бы никто не спросил, если б они обращались иначе, то есть грубее и бесчеловечнее: следственно, они были добры из настоящего человеколюбия» (4, 137). Старший доктор характеризуется в «Записках» как «человеколюбивый и честный человек», но он «при случае выказывал суровую строгость, и за это его у нас как-то особенно уважали» (4, 143). Арестанты, попавшие в госпиталь, были для него в первую очередь больными людьми, и поэтому он «свидетельствовал каждого поодиночке, особенно останавливался над трудными больными, всегда умел сказать им доброе, ободрительное, часто даже задушевное слово и вообще производил хорошее впечатление» (4, 143). Писатель П. К. Мартыанов оставил нам следующий портрет этого человека: «Иван Иванович Троицкий <...> топором срубленный и лыком шитый человек, действительно вполне достоин был порученного ему места. Он начал службу ординатором в одном из госпиталей новгородского военного поселения (кажется, в Старой Руссе) и во время бунта поселян, в 1831 году, избежал смерти по любви к нему подчиненных солдат; он переоделся в солдатское платье и три дня исполнял, вместе с другими нижними чинами, обязанности госпитального служителя. Затем, перейдя на службу в Западную Сибирь, он до-

¹⁰ Лит. наследство, 1956, т. 60, кн. 1, с. 624.

¹¹ Там же.

«стиг высокого положения штаб-доктора, благодаря своим заботам, попечительности и гуманному отношению ко всем больным без исключения, начиная с высшего начальства и кончая последним арестантом-преступником. Доброта его доходила до того, что тем же самым поселянам, которые искали его смерти в 1831 году и, по отбытии наказания, были сосланы в Сибирь, он платил при первой к тому возможности облегчением их участи и посильной помощью».¹² В Омск штаб-лекарь Троицкий был назначен в батальон военных кантонистов.¹³ Незадолго до прибытия в острог Достоевского коллежский советник И. И. Троицкий был назначен «главным врачом» в Омский военный госпиталь. В первой половине 1854 г. он был произведен в статские советники и назначен корпусным штаб-доктором. О служебном продвижении И. И. Троицкого свидетельствуют материалы Государственного архива Омской области: так, если в записи от 9 января 1854 г. упоминается «омского военного госпиталя главный доктор коллежский советник» Троицкий, то 27 мая 1854 г. он назван «корпусного штаба доктором, статским советником».¹⁴

В госпитале Достоевский мог получать дополнительное питание. В письме от 18 августа 1850 г. А. И. Сулоцкий пишет М. А. Фонвизину: «О страдальцах только я и знаю, что они почти постоянно в лазарете и что, когда живут тут, пользуются столом от главного врача Троицкого».¹⁵ Об этом заботилась жена Троицкого — «прелестнейшая и добрейшая женщина, каких судьба посылает на землю только по одной в десятилетие».¹⁶ По архивным материалам удалось установить ее имя — Мария Николаевна.¹⁷

А. Е. Ризенкампф сообщает, что «ординатором арестантских палат был тогда Иван Яковлевич Ловчинский, добрый и сострадательный человек».¹⁸ В «Записках из Мертвого дома» он характеризуется как «молоденький врач, знающий дело, ласковый, приветливый, которого очень любили арестанты и находили в нем только один недостаток: „слишком уж смирен“». В самом деле, он был как-то неразговорчив, даже как будто конфузился нас, чуть не краснел, изменял порции чуть не по первой просьбе больных и даже, кажется, готов был назначать им и лекарства по их же просьбе. Впрочем, он был славный молодой человек» (4, 141). Справедливости ради следует привести и другую характеристику Ловчинского: «Главный врач (Троицкий), конечно, не интриган и не великий корыстолюбец, но в непрерывной борьбе с бывшими его подчиненными — врачом Крюжановским и Ловчинским,

¹² См.: *Мартьянов П. К.* Дела и люди века: Отрывки из старой записной книжки. СПб., 1896, т. 3, с. 279.

¹³ Государственный архив Омской области (далее: ГАОО), ф. 16, оп. 2, кн. 134, 1847 г., л. 76 об.

¹⁴ Там же, кн. 171, 1854 г., л. 5 об., 468 об.

¹⁵ Лит. наследство, 1956, т. 60, кн. 1, с. 625.

¹⁶ *Мартьянов П. К.* Дела и люди века, т. 3, с. 263.

¹⁷ ГАОО, ф. 16, оп. 2, кн. 156, л. 7 об.

¹⁸ Лит. наследство, 1973, т. 86, с. 551.

которые зорко смотрят за его действиями; да он не смеет класть, как говорят, пальца в рот и другим лазаретным врачам».¹⁹

Несмотря на сложные отношения с людьми, его окружавшими, Троицкий находил возможность помогать Достоевскому в главном. Так, с ведома Троицкого и по его разрешению Достоевский получил возможность, находясь в госпитале, писать. В тетрадь, впоследствии названную исследователями «Сибирской», он записывал арестантский фольклор. Эта тетрадь содержит около 500 записей. Многие из них использованы Достоевским при работе над произведениями послекаторжного периода, в особенности над «Записками из Мертвого дома».

Высказывалось мнение, что Достоевский начал писать это произведение в Омске и что «первые главы „Записок“ хранились долгое время у старшего госпитального фельдшера, фамилия которого, к сожалению, неизвестна».²⁰

Первые главы «Записок», о которых здесь идет речь, нам действительно неизвестны. Скорее всего, подразумевается «Сибирская тетрадь», которую писатель вел в Омске. Эта тетрадь, как драгоценная реликвия, хранится сейчас в Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. А вот старшим госпитальным фельдшером в омские годы Достоевского был Алексей Аполлонович Аполлонов. Записи, свидетельствующие об этом, обнаружены мной в документах за 1852 и 1853 гг.²¹

Не установлен источник, из которого получены сведения о старшем госпитальном фельдшере как о хранителе «Сибирской тетради». В комментариях к четвертому тому Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского говорится: «По рассказам старожилов, тетрадь хранилась у фельдшера омского военного госпиталя А. И. Иванова» (4, 310). К записи дана ссылка на статью Г. Вяткина «Достоевский в омской каторге», напечатанную в № 1 «Сибирских огней» за 1925 г. Между тем в этой статье имя Алексея Ивановича Иванова никак не связывается с «Сибирской тетрадью». Здесь приводятся воспоминания сына фельдшера, В. А. Иванова. Он рассказывает, что его отец тайком приходил для лечения в госпиталь, за что, по приказу начальника госпиталя, барона Франка, был наказан «двадцатью пятью ударами». По просьбе Достоевского А. И. Иванов спешил оказать помощь арестантам, прогнанным сквозь строй, которых приводили в госпиталь. Достоевский, как вспоминает В. А. Иванов, в знак признательности «сделал отцу платяную щетку. Щетка была грубая, из серой грубой щетины, но мысль, что она сделана руками Достоевского, заставляла отца хранить ее, как реликвию».²²

¹⁹ ГБЛ, Ф—в, п. 3, № 67, л. 25 об. (письмо А. И. Сулоцкого к М. А. Фонвизину от 3 января 1853 г.).

²⁰ См.: Палашенков А. Ф. По местам Ф. М. Достоевского в Омске, с. 31—32.

²¹ ГАОО, ф. 16, оп. 2, кн. 163, св. 175, л. 12; кн. 165, св. 177, л. 2 об.

²² Сибирские огни, 1925, № 1, с. 179—180. — Ошибочное утверждение об А. И. Иванове как хранителе записей Достоевского повторено А. Лей-

Хотя в госпитале Достоевского окружали те же арестанты, что и в остроге, и условия жизни здесь были немногим лучше — острожных — но все же писателю «случалось бывать в госпитале частенько» (4, 135). Здесь начала реализоваться творческая работа, которая «кипела» в его сознании. Помощь медицинского персонала Омского военного госпиталя внесла существенный вклад в облегчение участи Достоевского-каторжника.

«Комендант крепости омской»

Помощь писателю госпитального персонала значительно облегчалась доброй на то волей коменданта Омской крепости. В его обязанности было вменено лично осматривать госпитали и «о всех беспорядках, кои <...> усмотрены будут», сообщать по начальству.²³

Когда в Омск в тюремном экипаже доставили Достоевского, комендантом Омской крепости был полковник Алексей Федорович де Граве. Отношения коменданта и арестантов были строго регламентированы царскими указами. Они гласили, что «арестантские роты состоят в полной зависимости крепостного коменданта, он отвечает за строгим соблюдением правил, существующих на содержание и присмотр за арестантами».²⁴ Здесь же указание, имеющее прямое отношение к разряду арестантов, к которому принадлежал и Достоевский: «Запрещается разжалованным арестантам давать чернила, бумагу, перья, книги и тому подобное». Обо всем происходящем в остроге комендант знал из рапортов своих подчиненных. В свою очередь, о «нарушениях порядка», происходивших в Омской крепости, вскоре из доносов некоторых омских чиновников и офицеров узнавало начальство в Петербурге.

Здесь, мне кажется, необходимо небольшое отступление. Часто разговор о коменданте Омской крепости начинают с описания статейного списка арестантов омского острога. Об этом документе говорится, как о примере тупости и бесчеловечности самодержавной судебной-бюрократической машины, емко характеризующем человека, его подписавшего. В этом списке о Достоевском сказано, что он «чернорабочий, грамоте знает».²⁵ Под статейным списком стоят две подписи — коменданта Омской крепости полковника де Граве и плац-майора Кривцова. По сути статей, где встречается упоминание об А. Ф. де Граве — коменданте крепости, получается, что он-де, конечно, дал такую характеристику Достоевскому, но вообще-то был хорошим человеком. Далее следуют

фером и В. Владимирцевым (см.: *Лейфер А.* Годы, прошедшие не бесплодно, с. 433; *Владимирцев В.* В зеркале «Сибирской тетради». — Енисей, 1981, № 6, с. 39—40).

²³ ПСЗРИ (Полный свод законов Российской империи). СПб., 1832, т. 7, с. 806, статья 5710.

²⁴ Там же, свод 2, т. 1. СПб., 1830, с. 1013.

²⁵ См.: *Ист. вестн.*, 1898, № 1, с. 219—224.

подтверждения. Но разве возможно было в то время в графе «какое знает мастерство и умеет ли грамоте» написать о Достоевском что-либо иное? Какому «мастерству» мог быть обучен вчерашний дворянин? С другой стороны, и составлял-то этот список вовсе не комендант, а плац-майор, чья подпись стоит под статейным списком последней. О нем Ф. М. Достоевский писал брату: «... Кривцов — каналья, каких мало, мелкий варвар, сутяга, пьяница, всё, что только можно представить отвратительного <...> этот-то человек писал рапорты и подавал аттестации об нас каждый месяц в Петербург» (II, I, 135; курсив наш. — В. В.). Недолго прослужил бы высокопоставленный царский офицер, потребовавший от такого подчиненного ему «канальи», как Кривцов, отражения в ежемесячно отправляемом в Военное министерство статейном списке о политическом преступнике его прошлых литературных заслуг.

А ведь в Омске «в то недавнее давнопрошедшее время было столько доносчиков, столько интриг, столько рывших друг другу ям, что начальство, естественно, боялось доноса. А уж чего страшнее было в то время доноса о том, что известного разряда преступникам дают поблажку!» (4, 213). В таких условиях сообщение о «предосудительных действиях» коменданта не сулило ему долгой службы, а его «подопечных» грозило лишить надежного покровительства. Тем не менее де Граве находил способы помогать Достоевскому и Дурову хотя бы тем, что знал, но «делал вид, что не знает» о помощи, оказываемой его подчиненными петрашевцам.

В 1859 г., возвращаясь из Сибири, Достоевский проезжал через Омск, был в доме у коменданта. «В Омске я пробыл трое или четверо суток <...> был у старых знакомых и начальников, как то: де Граве и проч.» (II, I, с. 269). Думается, не стал бы писатель навещать человека, от которого в прошлом зависела его судьба, если бы тот равнодушно наблюдал за каторжными муками, не пытаясь помочь. Об официальных попытках коменданта облегчить участь писателя мы знаем следующее. Активный помощник Достоевского священнослужитель Омского кадетского корпуса А. И. Сулоцкий в письме Н. Д. Фонвизиной от 1 февраля 1850 г. рассказывает, что комендант справлялся у генерал-губернатора Западной Сибири П. Д. Горчакова о возможности поблажек политическим преступникам. 20 февраля 1852 г. А. Ф. де Граве посылает в Петербург запрос о том, заслуживают ли Достоевский и Дуров «быть перечисленными в разряд исправляющихся с причислением к военно-срочному разряду арестантов».²⁶ Положительный ответ сократил бы Достоевскому срок каторги на полгода. В этом же рапорте комендант спрашивает, «должно ли освобождать их и подобных им от ножных оков».²⁷

²⁶ ЦГВИА, ф. 312, оп. 2, д. 1597, л. 1 об.

²⁷ Там же, л. 2.

Работая над «Записками из Мертвого дома» — произведением, фактическая сторона которого опирается на события, происходившие в Омске, Достоевский, очевидно, задумывался о том, как рассказать о людях, ему помогавших, не навлекая на них гонений. Так, свое личное отношение к коменданту в «Записках» Достоевский не высказывает даже от лица Горянчикова, ведущего повествование. Личное отношение к коменданту объективируется, прячется за оценкой его самими арестантами. «Коменданта у нас любили и даже уважали», — говорит Горянчиков (4, 109). В противоположность озлоблявшему «уже озлобленных людей своими бешеными, злыми поступками» плац-майору коменданта Горянчиков вспоминает как «человека благородного и рассудительного, умерявшего иногда его дикие выходки» (4, 14). Так, однажды Кривцов высек ни за что бывшего профессора математики коллежского советника Жоховского (в «Записках» — Ж-кий). «... комендант, — говорит Горянчиков, — узнав об истории с стариком Ж-ким, очень вознегодовал на майора и внушил ему, чтоб он на будущее время изволил держать руки покороче» (4, 213).

Облик А. Ф. де Граве и его манера держаться соответствовали представлению, сложившемуся в сознании острожников об идеальном командире. У него «были ордена», он был «видный собою, <...> и строг, и важен, и справедлив, и достоинство <...> свое соблюдал» (4, 91). Это описание идеального командира, не случайно приведенное Достоевским, напоминает нам словесный портрет А. Ф. де Граве, оставленный Мартьяновым: «Алексей Федорович де Граве, высокого роста, массивный и тучный старик, лет 60-ти от роду, но еще бодрый, крепкий и легкий на подъем, веселого и живого характера, с добродушной улыбкой и громким раскатистым смехом <...> дело свое исполнял добросовестно и, по возможности, облегчал положение находившихся в крепостном остроге арестантов».²⁸

В письме к брату от 22 февраля 1854 г. Достоевский сказал, что комендант был «человек очень порядочный» (П., I, с. 135). Как о «добрейшем и достойнейшем коменданте» отзывается об А. Ф. де Граве Н. Т. Черевин, служивший в то время в Омске.²⁹

Новый свет на этого человека проливают неизвестные ранее исследователям документы. Один из них — найденный нами «Формулярный список о службе и достоинстве коменданта крепости омской, состоящего по армии полковника де Граве».³⁰ Из него мы узнаем, что родился Алексей Федорович в 1793 г., происходил «из дворян Тобольской губернии». К 1851 г. он — кавалер многих высоких орденов, знака отличия беспорочной службы

²⁸ См.: Мартьянов П. К. Дела и люди века, т. 3, с. 251—252.

²⁹ Черевин Н. Т. Полковник де Граве и Ф. М. Достоевский. — Рус. старина, 1889, № 2, с. 318.

³⁰ ЦГВИА, ф. 489, оп. 1, т. 1—2, д. 7303, л. 370—375.

за 30 лет. Но наиболее приметные награды, указанные здесь, овеяны ореолом высокой солдатской доблести — это медали за участие в Отечественной войне 1812 г. 19 ноября 1812 г. Алексей де Граве был досрочно произведен в прапорщики и, что особо отмечалось, имел тогда «от роду 19 лет». За отличие в сражении при Дрездене, где был ранен, произведен в подпоручики. С 1822 г. А. Ф. де Граве служит в Омске. С 1841 г., за год до назначения «высочайшим приказом», де Граве вступил в должность коменданта Омской крепости.

Читая список, невольно вспоминаешь слова, сказанные о де Граве в уже цитированном сочинении Мартьянова: — «... по службе он особенно не выдавался, т. к. не пользовался особенным благоволением корпусного командира».³¹ Мартьянов явно ошибается — начальство отмечало А. Ф. де Граве — все повышения выходили, как гласит список, «за отличия по службе». Тем показательнее выглядит его симпатия и действенная помощь Достоевскому, тогда политическому преступнику.

Установлена мной и другая крайняя дата жизни последнего коменданта Омской крепости. В разделе «об умерших» метрической книги Соборо-Воскресенской церкви за 1864 г. я прочел: «11 мая <...> омской крепости комендант генерал-майор А. Ф. Граве <...> умер от старости».³²

О его смерти в Петербург полетела депеша. Три недели понадобилось ей, чтобы добраться до столицы. Пять месяцев не было преемника у А. Ф. де Граве. Затем последовал указ: «... омскую крепость и тамошнее комендантское управление с ордонанс-гаузом упразднить».³³ Обязанности коменданта вплоть «до преобразования линейных управлений в Западной Сибири» возлагались на дежурного штаб-офицера, на командиров линейных батальонов номер четыре и номер пять. Так закончила свое 100-летнее существование Омская крепость. Такой была жизнь ее последнего коменданта, — человека, не побоявшегося протянуть руку помощи Достоевскому в тяжелейшие годы его жизни.

Анна Андреевна де Граве

В письме к Достоевскому Чокана Чингисовича Валиханова от 5 декабря 1856 г. говорится: «Анне Андреевне я отдал Ваше письмо, она, кажется, очень довольна».³⁴ К имени, названному здесь, в конце тома имелась сноска: «Иванова Анна Андреевна — дочь декабриста Анненкова».³⁵ Десятью годами ранее в издании избранных сочинений Валиханова встречалась аналогичная сноска: «Иванова Анна Андреевна — дочь декабриста Анненкова.

³¹ Мартьянов П. К. Дела и люди века, т. 3, с. 252.

³² ГАОО, ф. 16, оп. 4, кн. 20, св. 268, л. 192 об.

³³ ПСЗРИ, свод 2, т. 39, с. 15.

³⁴ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1968, т. 4, с. 46.

³⁵ Там же, с. 667.

Много помогла Достоевскому во время его пребывания в омской каторжной тюрьме...».³⁶

Известно, что Анненкова звали не Андреем, а Иваном, Иваном Александровичем. У Анненковых действительно была дочь Анна, но она умерла на пятом году своей жизни, и других дочерей с этим именем у Анненковых не было. Вышла замуж за К. И. Иванова и носила его фамилию дочь Анненковых — Ольга, она и помогала Достоевскому в Омске.

Но ведь речь в письме Валиханова идет не о ней, а об «Анне Андреевне». Искать сведения об этом адресате Достоевского следовало в материалах об омском периоде жизни писателя и о людях, которые его здесь окружали. В Ялуторовске в середине прошлого века развил активную педагогическую деятельность декабрист Иван Дмитриевич Якушкин. Открытые им демократические школы стали широко известны в Сибири. Опыт Якушкина распространился и на Омск. В начале 50-х гг. в Омск был переведен энергичный помощник Якушкина в деле устройства школ, друг декабристов протоиерей Стефан Яковлевич Знаменский. Благодаря ему в Омске, не имевшем в то время гражданских учебных заведений, было открыто первое женское училище. Его созданию в большой степени способствовало «горячее сочувствие к устройству женской школы» А. А. де Граве, жены коменданта тамошней крепости.

И. Д. Якушкин писал об этом Знаменскому: «Очень меня порадовали Яков Дмитриевич (Казимирский, омский жандармский генерал) и Наталья Дмитриевна (Фонвизина. — В. В.) известиями о вашем училище, в котором все так прекрасно устроилось при усердном участии благородной вашей сотрудницы. Дай бог ей за это здоровья!».³⁷ Таким образом, комендант Омской крепости помогал Достоевскому, а его жена способствовала открытию в Омске новых учебных заведений.

Инициалы жены А. Ф. де Граве в очерке о Якушкине — А. А. Они совпадают с начальными буквами имени, упомянутого в письме Валиханова к Достоевскому — Анна Андреевна. Случайное ли это совпадение?

В уже упоминавшемся выше «Формулярном списке о службе и достоинстве коменданта крепости омской», в графе о семейном положении де Граве значится: «женат вторым браком на дочери титулярного советника Романова Анне Андреевой...».³⁸ Сомнений больше не было — совпадение было не случайным. Достоевский через Валиханова передал жене коменданта письмо. Письмо Валиханова Достоевскому датировано 5 декабря 1856 г. Следовательно, письмо к Анне Андреевне, которое передал Достоевский с Валихановым в Омск, датируется не позднее ноября 1856 г.

³⁶ Валиханов Ч. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958, с. 615.

³⁷ См.: Знаменский М. С. И. Д. Якушкин. — В кн.: Сибирский сборник, СПб., 1886, кн. 3, с. 101, 104.

³⁸ ЦГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 7303, «Формулярный список...», л. 375.

К этому времени приходская школа для девочек была уже открыта — И. Д. Якушкин откликнулся на сообщение об этом еще в сентябрьском письме С. Я. Знаменскому. Возможно, Достоевский в письме жене коменданта, которую мы можем теперь уверенно называть по имени — Анне Андреевне, — высказывал свое отношение к созданию в Омске первой женской школы. Мы знаем, что проблема грамотности народа глубоко волновала Достоевского. После выхода из острога, работая над «Записками из Мертвого дома», писатель одновременно обратится к вопросам грамотности и путям образования народа в «Ряде статей о русской литературе», где по-новому поставит эту проблему.

Следовательно, адресатом Ф. М. Достоевского, упомянутым в письме к нему Ч. Ч. Валиханова, была Анна Андреевна де Граве — жена коменданта Омской крепости. Она способствовала развитию образования в Омске, участвуя в создании здесь первых гражданских учебных заведений. Помогала Ф. М. Достоевскому в сибирский период его жизни. И по крайней мере дважды Достоевский писал ей. В 1856 г. он послал ей письмо через Валиханова. В письме от 31 августа 1857 г. Достоевский сообщает В. Д. Констант, что он писал к «жене генерал-майора де Граве», которую называет своей «доброй знакомой, женщиной благородной и умной» (П., I, 225).

Семья Капустиных

В условиях небольшого города, каким был Омск в середине прошлого века, отношения людей в нем носили характер семейственности. Особенно тесные дружеские и родственные отношения связывали семьи А. Ф. де Граве и Якова Семеновича Капустина. Капустин был женат на сестре знаменитого химика Д. И. Менделеева Екатерине Ивановне.

Екатерина Ивановна Менделеева, выйдя в 1839 г. замуж за Якова Семеновича Капустина, переехала вслед за мужем в Омск. Из многих Менделеевых, живших здесь, судьба свела Достоевского лишь с Екатериной Ивановной и ее семьей.

Яков Семенович Капустин в середине прошлого века был начальником отделения Главного Управления Западной Сибири и жил с женой в двухэтажном доме на Мокринском форштадте. Семья Капустиных росла с каждым годом. С рождением детей (а их, судя по метрическим книгам, в этой семье было двенадцать) прибавлялось хлопот, Капустины стремились окружить подрастающих сыновей и дочерей влиянием наиболее образованных людей города. «Дом Капустиных в Омске, — вспоминает современник, — представлял салон, в котором собиралась молодежь с высшим образованием, занимавшаяся литературой, живописью и пр. Все проезжавшие через Омск образованные люди — путешественники, ссыльные, обязательно вводились в этот салон».³⁹

³⁹ Адрианов А. В. Томская старина. — В кн.: Город Томск. Томск, 1912, с. 146.

Многие из детей Капустиных внесли ценный вклад в развитие образования, культуры. Один из сыновей Капустиных — Федор, будущий преподаватель физики в Томском и Петербургском университетах, в юности помогал в опытах Д. И. Менделееву. Другой сын — Михаил Яковлевич Капустин, избранный в Государственную Думу, способствовал созданию в Москве народного университета имени А. Л. Шанявского.

Одна из дочерей Капустиных — Анна — вышла замуж за педагога Ивана Кузьмича Смирнова. Из семьи Смирновых вышел известный в начале XX в. археолог, сотрудник Эрмитажа Яков Иванович Смирнов. Избранный Российской Академией наук ординарным академиком по отделению русского языка и словесности, Я. И. Смирнов был одновременно крупнейшим ученым-античником и замечательным востоковедом. Его классический труд «Восточное серебро», изданный в 1909 г., явился научной сенсацией. Немногим известно, что честь первоначального составления разрозненных кусков Афины с фронтона древнего храма на афинском Акрополе принадлежит Я. И. Смирнову.⁴⁰ В годы революции и гражданской войны Я. И. Смирнов в большой мере способствовал сохранению для Советской страны сокровищ Эрмитажа.

Семей Яковлевич Капустин после окончания Казанского университета 24 октября 1852 г. начал свою деятельность в Омске. «Из числа более чем десяти человек — питомцев Казанского университета, служащих в одном Омске, — писал С. Я. Капустин Д. И. Мейеру 12 мая 1855 г., — ни один не помрачил еще чести университета каким-либо поступком, марающим человечество»; он жалуется на недостаток в «сильной и умелой деятельности, потребной молодому человеку», мечтает о привлечении на службу в Сибири людей «способных и достойных».⁴¹ Более 10 лет прослужил С. Я. Капустин в Омске и оставил по себе память как об одном из «просвещеннейших и благороднейших чиновников».⁴² С. Я. Капустин известен нам как автор статей, посвященных вопросам крестьянского быта. Одна из его книг — «Формы землеустройства у русского народа в зависимости от природы, климата и этнографических особенностей» (СПб., 1877) — была в библиотеке Достоевского.⁴³

Постоянным посетителем вечеров у Капустиных после выхода из каторги стал С. Ф. Дуров. Знакомство с Е. И. Капустиной побудило Дурова называть ее не иначе как «„святою женщиною“»; в ее гостиной он находил радушный прием, он ценил это, потому что во всех других домах его чурались как опасного человека».⁴⁴

⁴⁰ См. о нем: *Варшавский С., Рест Б.* Билет на всю вечность: Повесть об Эрмитаже. Л., 1981, с. 93—99.

⁴¹ ГПБ, ф. 476, Д. И. Мейер, № 55.

⁴² *Поганин Г. Н.* Омский кружок [и новые веяния]. — В кн.: *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. 4, с. 651.

⁴³ См.: *Достоевский: Материалы и исследования.* Л., 1980, т. 4, с. 260.

⁴⁴ См.: *Поганин Г. Н.* Встреча с С. Ф. Дуровым. — В кн.: *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. 4, с. 555.

В 1859 г., возвращаясь из Сибири в Россию, Достоевский проезжал через Омск и познакомился с Капустиными. В письме семипалатинскому знакомому А. И. Гейбовичу от 23 октября 1859 г. он писал о них: «...люди простодушные и благородные, с хорошим сердцем <...> Мы познакомились хорошо; люди без всяких претензий» (П., I, 269). В их доме он пробыл недолго, но «эти несколько часов, — писала Достоевскому Е. И. Капустина 4 января 1862 г., — я никогда не забуду».⁴⁵

Капустиных Достоевский изобразил в «Записках из Мертвого дома». Во введении читаем: «В первый раз я встретил Александра Петровича (Горянчикова. — В. В.) в доме одного старинного, заслуженного и хлебосольного чиновника, Ивана Ивановича Гвоздикова, у которого было пять дочерей разных лет, подававших прекрасные надежды. Александр Петрович давал им уроки, четыре раза в неделю, по тридцати копеек серебром за урок» (4, 6). Вспомним, что Яков Семенович Капустин в 50-х гг. XIX в. был в Омске и «старинным» и «заслуженным» чиновником. С ним в то время жили пять дочерей: Мария, Анна, Ольга, Екатерина, Надежда.⁴⁶ Полное совпадение фактов позволяет утверждать, что прототипом чиновника Гвоздикова из «Записок» был Яков Семенович Капустин.

Дочерям Капустиных в те годы давал уроки Александр Мирецкий, отбывавший каторгу вместе с Достоевским. На наш взгляд, он во многом послужил автору «Записок из Мертвого дома» «натурой» при создании образа Горянчикова. Манера поведения и факты биографии реального Мирецкого и Горянчикова (особенно во введении к «Запискам из Мертвого дома») перекликаются. Их жизнь одинаково ограничена масштабом города, где расположен острог. После каторги А. Мирецкий преподает в Омске французский язык.⁴⁷ Горянчиков, выйдя из острога, «жил в городе, имея возможность добывать в нем хоть какое-нибудь пропитание обучением детей» (4, 6). Мирецкий был замкнутым человеком. Горянчиков в введении к «Запискам» «поставляет главной задачей — как можно подальше спрятаться от всего света» (4, 7). Сопоставление Мирецкого и Горянчикова дает интересный материал для изучения принципов типологии у Достоевского.

Капустины находились в тесной дружеской и родственной связи и с декабристами. Так, например, Н. В. Басаргин был

⁴⁵ Цит. по кн.: Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. 4, с. 55.

⁴⁶ Их имена установлены по метрическим книгам: ГАОО, ф. 16, оп. 2, кн. 99, св. 102, 1840 г., л. 15 об., 16 (Мария); ф. 16, оп. 2, кн. 151, запись от 1 апр. (Анна, Ольга); ф. 16, оп. 2, кн. 180, л. 23 об. (Надежда. — Н. Я. Капустина (по мужу Губкина) известна как автор воспоминаний о Д. И. Менделееве. См.: Семейная хроника в письмах матери, отца, брата, сестер, дяди Д. И. Менделеева. СПб., 1908).

⁴⁷ ГАОО, ф. 3, оп. 13, д. 18336, кн. 1056, л. 10 об. («Рапорт исправляющего должность начальника 8-го округа жандармов генерал-майора Казимирского 1-го генерал-губернатору Западной Сибири генералу от инфантерии Гасфорту»).

женат на родной сестре Е. И. Капустиной — Ольге Ивановне, урожденной Менделеевой. Капустины были хорошо знакомы с Н. Д. Фонвизиной и дорожили ее расположением. Вот что пишет, например, М. Д. Менделеева Капустиным: «Княгиня Горчакова с Фонвизиной приехала так же к памятнику (Ермаку. — В. В.), и увидев меня в коляске со всеми детьми моими, с обычной приветливостью спросила, получила ли я письмо ваше, посланное вами через нее, и рассказала мне о вас <...> Вечером я была у нее во время экзамена в гимназии и нашла ее столько расположенною ко мне, как и прежде». ⁴⁸

Достоевского сближало с семьей Капустиных и то, что он особенно ценил в Фонвизиной — умение жить ради других, жертвенность. Е. И. Капустина писала Достоевскому: «Вы много перенесли превратностей судьбы, вы испытали много, и горе и лишения знакомы вам, а все это такие спутники и учителя наши, которые более всего учат нас истине и делают не хуже, а лучше людей». ⁴⁹ Как бы предваряя эти слова, Достоевский писал Фонвизиной в феврале 1854 г.: «...в несчастье яснее истина» (28, 176).

Известно, что Фонвизина многое сделала для облегчения жизни Достоевского на каторге. Она находила возможность передавать Достоевскому письма и, очевидно, получала ответы. В своем письме Фонвизиной Мария Францева — дочь тобольского прокурора — сообщает, что в Омск «опасная корреспонденция дошла благополучно и, может быть, теперь уже находится в руках наших страдальцев». В письме есть строки, развеивающие возможные сомнения относительно адресатов: «Может, они <...> пишут сегодня ответ! Очень рада, что они теперь наконец вместе, и если только письмо у них, то и Федя (подчеркнуто Францевой. — В. В.) утешен мыслью, что и он тоже не забыт». ⁵⁰

Первая встреча Достоевского с Фонвизиной относится к январю 1850 г., когда она вместе с другими декабристками, в том числе П. Е. Анненковой, навестила петрашевцев в Тобольской пересыльной тюрьме (см.: П., I, 135; 4, 67; 21, 12 и 385). ⁵¹ Приводим ниже материалы, из которых следует, что Достоевский виделся с Фонвизиной и Анненковой и в Омске, в 1853 г.

⁴⁸ Семейная хроника в письмах матери, отца, брата, сестер, дяди Д. И. Менделеева, с. 45.

⁴⁹ Письмо от 4 янв. 1864 г. (цит. по кн.: Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. 4, с. 112—113).

⁵⁰ ГБЛ, ф. 319, 4.37, л. 14 и 14 об.

⁵¹ См. о Достоевском и Фонвизиной в воспоминаниях М. Д. Францевой (Ист. вестн., 1888, № 6, с. 628—632) и в статье С. В. Житомирской (Лит. наследство, 1956, т. 60, кн. 1, с. 615—628). Известно письмо Фонвизиной к Достоевскому от 8 ноября 1853 г. (см.: Вопр. лит., 1981, № 5, с. 307—313. — К сожалению, оно опубликовано С. Кайдаш с неточными прочтениями по фотокопии, а не по подлиннику (ЦГАОР, ф. 1706, оп. 1, № 38). Это привело ее к необоснованному утверждению о приемах тайнописи в письме Фонвизиной, изобразившей якобы Россию в облике своей безобразной мачехи. — *Ред.*) Достоевский ответил Фонвизиной в феврале 1854 г. (П., I, 141—144).

В Государственном архиве Омской области есть особый фонд — метрические книги. В одной из таких книг зафиксировано, что 30 марта 1853 г. родилась девочка, которой при крещении, состоявшемся 16 апреля в градо-омской Соборо-Воскресенской церкви, дали имя «Наталия». Названы в документе родители девочки: «старший адъютант, полевой инженер поручик Константин Иванович Иванов и жена его Ольга Ивановна». Восприемниками (т. е. крестными) у девочки были: «заседатель тобольского приказа общественного призрения губернский секретарь Иван Александрович Анненков и жена государственного преступника, Наталия Дмитриевна фон Физина, полевой инженер полковник Иван Иванович Иванов же и жена губернского секретаря Анненкова Параскева Егоровна».⁵²

Достоевский писал П. Е. Анненковой 18 октября 1855 г.: «... помню встречу с Вами, когда вы приезжали в Омск и когда еще я был в каторге» (П., I, 162). Следовательно, около 16 апреля 1853 г. состоялась встреча Достоевского с Анненковой и Фонвизиной в доме Ивановых в Омске, куда они приехали в апреле того же года на крестины дочери Ивановых. В 1853 г. Достоевский все еще находился в остроге. Воспоминания Е. И. Якушкина,⁵³ сына декабриста, позволяют представить, как Достоевский мог попасть в дом Ивановых и в это время. Впоследствии, после выхода из каторги, в этом доме писатель прожил около месяца. Здесь в феврале 1854 г. были написаны теперь широко известные и важные для понимания мира Достоевского письма — к брату и к Н. Д. Фонвизиной, по которым можно проследить развитие замысла «Записок из Мертвого дома».

Помощь семей декабристов — ядро «общественно-политической защиты»,⁵⁴ осуществлявшейся по отношению к Ф. М. Достоевскому в Омске. От жен декабристов тянутся нити к большинству людей, участвовавших в облегчении его жизни в каторжном остроге.

Всех этих людей характеризует высокий нравственный потенциал, умение «быть человеком между людьми, в каких-бы то ни было обстоятельствах не уныть и не пасть». Именно это свойство свело их с Достоевским в труднейшие годы его жизни.

⁵² ГАОО, ф. 16, оп. 2, кн. 165, л. 15 об., 16 (Метрическая тетрадь, учиненная омской крепостной Соборо-Воскресенской церкви на 1853 год).

⁵³ Е. И. Якушкин вспоминал о происшедшем в 1853 г.: «... я просил знакомого моего (...) устроить мне свидание с Достоевским. Его на другой же день привел конвойный очистить снег на дворе казенного дома, в котором я жил. Снега, конечно, он не чистил, а все утро провел со мной» (Огонек, 1946, № 46—47, с. 27).

⁵⁴ Термин В. Ф. Ретунского. См. его статью «Участие декабристов в судьбе ссыльных петрашевцев» (Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1977, с. 174). См. также: Вайнерман В. С. «И сколько они вытерпели». — Омская правда, 1983, 20 мая; Громыко М. М. Ф. М. Достоевский и семья декабриста И. А. Анненкова. — В кн.: Политические ссыльные в Сибири. Новосибирск, 1983, с. 102—122.